

Персеваль Люк

23.05.05

■ закат Европы

ГАЗЕТА. - 2005. - 23 МАЯ. - С. 27

очутились в сумрачном лесу

премьера спектакля Люка Персевалея
Turista на Венском фестивале

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ ВЕНА

Люк Персеваль — одно из самых громких имен в новой европейской режиссуре, хотя для Москвы, не видевшей ни одного персевалевого спектакля, оно почти ничего не значит. Талантливый фламандец, пришедший в театр из профессионального футбола, до недавнего времени работал в антверпенской труппе Toneelhuis, а в сопродюсерах его последнего спектакля Turista по пьесе Мариуса фон Майенбурга значатся также берлинская «Шaubюне» и Венский фестиваль, что чрезвычайно почетно для всякого режиссера.

Берлинская команда Томаса Остермайера и Саши Вальц давно заманивала бельгийца в свой театр, видя в Персевале единомышленника, но из родного «Тонеельхюиса» он ушел лишь после того, как в Антверпене избрали крайне правого бургомистра. Из принципа. Короче говоря, Turista для него — первый шаг на новом месте, поворотный пункт в биографии. Это и по актерской команде заметно: половина актеров — немцы, половина — бельгийцы и голландцы, а идет спектакль на непередаваемой германо-голландской смеси: хочешь что-то понять — следи за двуязычными титрами.

Загадочное «Turista», вынесенное в титул пьесы Майенбурга, ни к германскому, ни к голландскому языку отношения, впрочем, не имеет. В Мексике таким словом, оказывается, принято обозначать неприятность, частенько случающуюся с тем, кто путешествует по чужой стране. В других национальных традициях ее иногда называют «месть Монтесумы» или, например, «делийский животик» (Dehli-belly). В общем, если обойтись без эвфемизмов, пьесу Майенбурга следовало назвать «Мы все обкакались».

Сначала Персевалю хотелось поставить горьковских «Дачников», но потом он передумал, и Мариус фон Майенбург написал для него более актуальную пьесу из жизни отдыхающих. Действие

происходит вовсе не в Мексике, а в сумрачном бельгийском лесу — где-то неподалеку от тех мест, где в свое время случилась битва при Ватерлоо. Роковое наполеоновское поражение положило, как известно, начало новой европейской истории, и Майенбург, вообще склонный к обобщениям в большинстве своих пьес, не дает зрителю возможности усомниться: обкакался не кто-нибудь, а вся европейская цивилизация в целом.

В своих пьесах («Огнеликий», «Холодный ребенок») самый модный европейский драматург Мариус фон Майенбург неизменно проводит мысль о том, что гибель Европы начинается с разложения семьи, то бишь ячейки общества. Turista — не исключение: несколько семей, выехавших на отдых в кемпинг, поначалу кажутся людьми приличными, а оказываются черт-те кем: тиранят детей, нажираются как свиньи и при первой же возможности предаются не задумываясь адюльтеру и прочим гадким делам. Детишки (все без исключения сыграны взрослыми актерами) тоже не лучше. Ужасный век, ужасные сердца. Невинной жертвой этих свинцовых мерзостей станет маленький Оли (Бенни Клессенс), найденный мертвым в лесу около кемпинга. Его-то смерть и сделается предметом спектакля: будет последовательно разыграно шесть версий гибели

ребенка, после чего выяснится, что убийцей мог стать каждый. Ход не новый: припомните хоть нашего Акунина с его «Чайкой», где педантично и последовательно доказывалась вина в смерти Кости Треплева каждого из чеховских персонажей.

Майенбургская назидательность, растянутая на четыре часа сценического действия, выглядит, признаться, занудновато, но Персеваль придал ей оттенок мистический: посередине пустой сцены водружен странный инопланетный объект, похожий на огромный абажур, и заблудившиеся в европейских сумерках герои, заброшенные в неизвестную точку пространства, мечутся вокруг него с фонариками: «Что случилось? Где мы? Где Оли?» Персеваль, один из самых последовательных сторонников театрального минимализма, традиционно ценит паузу и сценическую неподвижность, и последняя сцена, где он просто выстроит своих актеров в длинную (24 персонажа!) шеренгу вдоль рампы, станет, пожалуй, самой ударной. А закончится эта грустная история комическим эндишпилем: пациенты психушки в терапевтических целях разыграют перед нами старую немецкую сказку о Ганзеле и Гретель, заблудившихся, подобно Оли, в сумрачном лесу. Для окончательно запуганного к этому моменту зала подобный финал тоже станет неплохой терапией.